

**ВДОВА В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
(вторая половина XIX — начало XX в.)**

Вдовы представляли особую категорию женщин в крестьянском мире. Согласно О. М. Вербицкой, которая использовала материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., среди женского сельского населения вдовы составляли 7,8 %, замужние женщины — 40,1 %, при этом мужчин-вдовцов было 3,4 % [2, с. 65]. Б. Н. Миронов приводит данные по Европейской России, согласно которым вдовы в 1897 г. составляли 8 % сельского населения, доля мужчин-вдовцов была вдвое меньше — 4 % [10, с. 178]. Эти данные можно сравнить с результатами переписи по отдельным губерниям. Для сравнения мною были взяты две губернии Центрального промышленного района — Владимирская и Ярославская, а также находящаяся в Черноземье Орловская губерния. Во Владимирской губернии вдовы составляли 10,7 % женского населения [13, с. V—VI], в Ярославской — 12,3 % [15, с. VII], в Орловской — 9,7 % [14, с. VIII—IX].

Вдовство представляло заметное явление деревенской жизни, оказывавшее влияние на все ее стороны. Однако обобщающих этнографических работ, касающихся вдовства в переходный пореформенный период, крайне мало. Из работ последних десятилетий, дающих общую характеристику вдовства, отметим небольшие статьи А. В. Гуры и Г. И. Кабаковой [3], а также Н. Прокопьевой [16].

В настоящей работе делается попытка в некоторой степени восполнить указанный пробел, в особенности коснуться тех изменений, которые внесла в пореформенное время модернизация, затронувшая все стороны сельской общинной жизни. В основу положены сведения из недавно введенного в научный оборот многотомного издания «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева», географически охватывающие интересующий нас регион. На сегодняшний день это наиболее полный и систематический источник о жизни русских крестьян на рубеже веков.

Во всех славянских языках «вдова» (др.-русс. *въдова*, *вьдова*; русск. *вдова*, *вдовка*, *вдовина*; польск. *wdowa*; чешск. *vdova*; словац. *vdova*, *vdovica*; сербск. *удовица*; болг. *вдовица*) означала жену, потерявшую мужа [34, с. 101—102; 4, с. 173]. Изменение семейного положения женщины после смерти мужа (переход в состояние вдовы) влекло за собой всеобъемлющее изменение ее статуса — в правовом, экономическом, социальном, ритуальном отношении. Это закономерным образом следовало из самого устройства традиционного крестьянского социума, где доминировали жесткие причинно-следственные связи: из изменения положения в каком-нибудь одном аспекте неизбежно следовало изменение во всем остальном.

В традиционном сознании особое значение имела актуализация понятия парности. Нечет, непарность нарушали гармонию мира, что находило и символическое выражение (например, при счете обхваченных колец в изгороди: «Вдовец, молодец, вдовец, молодец...») [3, с. 294]. Нарушение оппозиции «мужской — женский» влекло за собой нарушение установленного миропорядка, поэтому вдова считалась социально ущербной.

Вопрос о правовом положении вдовы требует специального изучения, поэтому данный аспект мною не рассматривался.

Положение вдов являлось двойственным в ритуальном отношении. С одной стороны, «вдовство» находилось в том же семантическом ряду, что и «холостой», «старая дева», «безбрачие», «сирота» [3, с. 294]. Из-за отсутствия пары вдовы считались социально ущербными, неполноценными членами общества, что проявлялось в ограничении их ритуальных функций. В то же время отсутствие половой жизни сближало положение вдов с положением невинных девушек и пожилых женщин, утративших способность к деторождению. Поэтому с вдовами ассоциировалась чистота, целомудренность, что вело к повышению их религиозного статуса. Такая двойственность находила многочисленные отражения в различных обрядах и символах. Замужним женщинам запрещалось заплетать одну косу, поскольку у нее была пара — муж. Существовал обряд, восходивший к языческим временам и совершавшийся в русских деревнях во время эпидемий для предохранения от проникновения опасных болезней (холера, сибирская язва и др.). Вдовы и девушки, собравшись в полночь за деревней, в одних рубашках, распустив волосы, впрягались в косулю (соху) и проводили борозду вокруг деревни, полагая, что опахивание явится защитой. У этого обряда имелись некоторые вариации в зависимости от локальных традиций [17, с. 232; 20, с. 320—321; 1, с. 269; 8, с. 217—218].

У вдовы было несколько альтернатив дальнейшего устройства своей жизни. При этом большое значение имело наличие у нее детей, ее возраст, каким она обладала имуществом и другие факторы.

Брачно-семейные отношения были системообразующими для всего крестьянского общества, женщина являлась его полноценным членом только при наличии у нее детей. Данный тезис представлял фундаментальное положение крестьянского миропонимания. Поэтому вдова, имевшая детей, и бездетная вдова в глазах крестьянского мира существенно различались. Конечно, этот фактор не был абсолютно доминирующим, на него накладывались другие факторы и местные обычаи, что делало картину сложной и расплывчатой.

Когда вдова являлась старшей женщиной в семье, она становилась хозяйкой дома (большухой) или же уходила жить отдельно, а сыновья выделяли ей содержание.

В большой неразделенной семье вдова могла оставаться в доме свекра. Ее жизнь в этом случае была незавидной, особенно при малых детях, а также в случае, если она была бездетной. Фактически она, не имея поддержки мужа, оказывалась одна в чужой семье. Такие случаи были редки, и вдову никто против ее желаний не имел права удерживать в доме свекра. Она должна была там оставаться лишь до истечения сорока дней после смерти мужа, поскольку считалось грехом уходить из дома, где еще пребывала его душа [17, с. 216; 19, с. 326; 20, с. 432, 526; 21, с. 116; 1, с. 187; 24, с. 211]. В других случаях препят-

ствием для ухода вдовы без согласия свекра могло быть наличие у нее детей [11, с. 289]. В некоторых регионах сноха по обычаю должна была оставаться в доме свекра, но этого часто не придерживались [17, с. 291; 24, с. 180]. Беременная вдова могла по собственной воле остаться в доме свекра, т. к. ее ребенок в этом случае приобретал некоторые права в семье ее покойного мужа [25, с. 364]. Отметим, что не всегда и не везде придерживались обычая не покидать дома свекра до истечения шести недель [17, с. 469; 25, с. 418]. Бывали случаи, когда вдова уходила, оставив у свекра детей: «Ушла, а ораву свою бросила; что тут делать с такой полохвой?» [20, с. 526].

Еще одна альтернатива, которая была у вдовы, — вернуться в дом родителей. Здесь ее статус не был однозначно определенным. Положение дочери-вдовы могло не отличаться от положения дочери-девушки, на них в одинаковой степени распространялась власть родителей, их могли отдать внаем и т. д. В других случаях эта власть оставалась чисто формальной, в действительности дочь-вдова была неподвластна ни отцу, ни матери, при ее неповиновении дело ограничивалось руганью и угрозами (Калужская губерния). Сельское общество на жизнь вдовы в семье родителей смотрело неодобрительно из-за отсутствия сдерживающей власти мужа и приобретенной относительной свободы [20, с. 445, 524; 21, с. 116, 121]. Оставшись в доме родителей, вдова должна была сама зарабатывать на содержание себе и детям. Такое чаще всего случалось, если не было детей мужского пола. При этом на нее нередко смотрели как на работницу, а не как на родную дочь (Ярославская губерния) [19, с. 325]. Описан случай, когда вдова с дочерью перешла жить к своему брату: ее жизнь со свекром и деверьями была невыносимо тяжелой, ей некуда было деваться и брат приютил ее [22, с. 47].

Чаще всего вдова старалась выйти замуж. К этому толкали в первую очередь экономические причины, бедность. Если даже вдова получала в свое распоряжение дом и хозяйство, далеко не всегда все это удавалось содержать в хорошем состоянии, особенно при малых детях. «У вдовы пашня не пахана; вдова пригон выгоняла — мосты мостит из калиновых досточек (калина — кустарник или небольшое дерево, из которого нельзя изготовить доски для моста. — *З. М.*), прибывает досточки еловыми шишками» [31, с. 379]. Считалось, что без твердой мужской руки вдова не может растить своих детей в полном соответствии с традиционным укладом: «Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери» [4, с. 173]. Имелось в виду, что из дочери вдовы не получится жены, какой она должна быть по крестьянским канонам. Ко вторичному замужеству подталкивали и физиологические потребности, а бывало, что свекор начинал ухаживать за молодой вдовой [20, с. 49, 51, 211; 21, с. 160; 25, с. 364, 418]. Брак допускался до трех раз, считали, что первый брак от Бога, второй — от людей, а вот третий брак был уже от дьявола, или ни от Бога, ни от людей [18, с. 455; 25, с. 418]. Любопытен рассказ о крестьянине из села Мышенка Епифанского уезда Тульской губернии, пожелавшем вступить в третий брак. Ему привиделось, что первая жена была в белом одеянии, у второй жены половина одежды была белой, а другая половина — черной, у третьей жены вся одежда была черная, как уголь [25, с. 418]. Ко второму браку крестьянское общество относилось с сочувствием, если к нему побуждали хозяйственная необходимость, устройство детей. Но при отсутствии таких убедительных причин

на повторные браки смотрели крайне отрицательно [17, с. 469; 18, с. 455; 19, с. 154; 23, с. 357], что имело свои корни в религиозных установках. Только безнадзорные дети могли служить некоторым оправданием появления хозяйки в доме вдовца. Крестьяне считали, что «если кто вступает во второй брак, тот, значит, неугоден Богу; ему наказание послано от Бога. По Божьему повелению требуется, чтобы каждый всю жизнь прожил в первом законе, а ежели у тебя было два закона или три, то ты, значит, много согрешил перед Богом, и на Страшном суде за каждый лишний закон отвечать будешь» [19, с. 360]. В ходу была пословица: «Лучше семь раз гореть, чем один раз овдоветь» [там же].

Насколько неоднозначны были крестьянские представления, в том числе и о положении вдовы, показывает утверждение С. В. Максимова: «Стоит и в наши дни, у нас на Руси, поскучать молодой бабе по ушедшему на заработки мужу, в особенности же вдове по умершему, как бесы и готовы уже на утеху и на услужение <...> Входит бес во временную сделку с несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще с женщиной, допустившей себя до полного распутства» [7, с. 24—25]. Другими словами, уж лучше вдове выйти замуж, чем вести такую жизнь.

Необходимым условием вступления в брак было отсутствие родства, в противном случае брак считался недозволенным. По церковным законам запрещались браки между прямыми кровными родственниками и родственниками боковых линий до четвертой степени родства. Кроме того, препятствием для брака служило духовное родство — кумовство [12, с. 39—42]. Народный обычай ограничивал браки с приемышами, т. к. при этом нарушался установившийся семейный уклад. Например, препятствовали замужеству вдовы — хозяйки дома — с молодым приемышем, взятым в дом ее покойным мужем, поскольку в этом случае новый муж стал бы хозяином, а его жена перешла бы в его подчинение [9, с. 38].

Насколько часто вдовы вторично выходили замуж? Согласно Б. Н. Мионову, в повторный брак вступало около 23 % мужчин и лишь 4 % женщин [10, с. 172]. Чаще всего участь вдовы была незавидной, это нашло отражение в пословицах: «Вдовье дело горькое», «Вдовье сиротское дело», «Лучше погореть, чем овдоветь», «С мужем нужа; без мужа и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой» [4, с. 173]. Неслучайно понятия «вдова» и «сирота» находились в одном ряду; обидеть вдову и сироту почиталось за тяжкий грех; вдову и сироту называли «горькою кукушкою», видимо, в память плача сестры о погибших братьях [28, с. 94]. Например, в Архангельской губернии вдов и сирот освобождали от натуральных повинностей [6, с. 201]. Конечно, обхождение с вдовами не везде было одинаковым. В источниках можно найти указания, что вдовы порой выжидали, чтобы посватался вдовец, у которого немного детей и зажиточный двор [20, с. 85]. При этом можно было выжидать, живя у свекра, который должен был кормить ее саму и ее детей. Если это была разделенная семья и после смерти мужа вдова оставалась полной хозяйкой в доме, можно было что-то продать, чтобы прокормить малолетних детей. Иногда это было предпочтительнее, чем выходить за бедного вдовца и ухаживать за его детьми [там же]. Но такое положение скорее было исключением, чем общим правилом.

Значительно чаще было совсем другое. Относительно быстро, если представлялся случай, вторично выходили замуж молодые вдовы без детей или с

одним ребенком. Вдовам, имевшим детей, гораздо труднее было вступать в новый брак, все старались избежать такой «обузы». Кроме возраста вдовы и наличия детей, большое значение имело, какое наследство она получила от умершего мужа. Если вдове с детьми удавалось снова выйти замуж, положение ее детей от первого брака в доме отчима было малопривлекательным. Поэтому вдова с детьми, если у нее появлялась возможность выйти замуж, стояла перед нелегкой дилеммой: с одной стороны, хозяйственная необходимость, с другой — страх за будущую участь детей. «Не хочет вдова идти замуж за удалого молодца: не заменит ей первого мужа, а ее детям отца» [31, с. 379]. Имелось еще одно препятствие для вторичного брака вдовы с детьми. В пореформенное время вследствие массового отходничества в деревнях Санкт-Петербургской губернии и губерний Центрального промышленного района или примыкавших к ним появился избыток девушек [17, с. 216; 19, с. 360; 20, с. 315; 23, с. 357; 21, с. 117, 232; 1, с. 260; 24, с. 211, 228; 25, с. 364]. Так, во Владимирской губернии женщины составляли 55,5 % населения, в Ярославской — 57 %, а в черноземных губерниях, например Воронежской, — 49,5 % [11, с. 6, 7, 10, 12, 17], Орловской — 51,6 % [15, с. VIII]. Нередко вдовы выходили за первых попавшихся, даже за слепых [20, с. 211]. Известен случай, когда вдова 28 лет вышла замуж за вдовца, который оказался импотентом, но преследовал жену беспричинной ревностью (Пошехонский уезд Ярославской губернии) [18, с. 464]. Корреспондентами Этнографического бюро описан случай, когда вдова вышла замуж за еврея, который перешел в православие, и они жили счастливо. К таким ситуациям народ относился просто: «Они такие же люди, как мы, только веры другой; а принял нашу веру — значит, стал русским» [25, с. 360].

На возможность второго брака для вдов немалое влияние оказывали укоренившиеся в сознании крестьянского общества мифы и поверья, восходящие еще к языческим временам. Женщина могла войти в рай только вместе со своим мужем, брачные узы не разрывались по смерти супруга [35, с. 46; 29, с. 79]. Крестьянские представления о гармонии мира требовали сохранения оппозиции «мужской—женский» не только в нашем, но и в потустороннем мире, что влекло за собой актуализацию понятия парности. Это нашло отражение и в пословицах, в которых в лаконичной форме сконцентрировалось народное миропонимание: «Холостой — полчеловека», «Одинок да холост, горюет в одну голову». Следует иметь в виду, что в XIX в. понятие «холостой» относилось только к мужчине, но в более раннее время так говорили и о женщинах [5, с. 559]. Актуализация парности получила также воплощение в поверье об огненном змее. Рассказывались страшные истории о том, как по ночам прилетают к молодым вдовам покойники — их мужья — в облике огненного змея [33, с. 214]. Вдовец на том свете должен был жить со своей первой женой, и его вторая жена оставалась без пары. Поэтому вдовы старались выйти за вдовцов, браки последних с девушками воспринимались неодобрительно. Для молодого парня жениться на вдове считалось позором [20, с. 432]. В источниках имеются песни, где жениха называют вдовцом, чем наносилась ему большая обида, т. к. ему хотелось казаться молодым и бодрым [30, с. 131]. «Лучше любить вольную солдатку, чем девушку, вдовушку или мужнюю жену», «Сын (в песне. — 3. М.) жалуется на отца, что заставил жениться на вдове» [31, с. 378]. Вдовцы нередко женились на вдовах много моложе себя. Известны примеры, когда разница

достигала 20—40 лет [20, с. 314—315]. Поскольку в брак допускалось вступать до трех раз, в народе говорили: «Первая жена опойчатая, другая стеклянная, третья хрустальная». Значит, вторую жену надо беречь больше, чем первую, особенно надо беречь третью, ибо четвертой взять нельзя [29, с. 86]. У этой поговорки имелись локальные вариации, например, во Владимирской и Тверской губерниях говорили, что вторая жена «хрустальная» [1, с. 260; 17, с. 477]. Как свидетельствуют источники, ко вторым женам было лучшее отношение, их больше берегли и жалели, мужа часто им уступали, выполняли за них наиболее трудные работы, старались лучше одеть, а то и исполняли их капризы [23, с. 358; 17, с. 477]. Корреспонденты Этнографического бюро отмечают, что можно было слышать, как в семейной паре, где оба состояли в браке в первый раз, жена укоряла своего мужа: «Дура я, что не пошла за вдовца. Вдовцы-то вон как ухаживают за женами. Вот умру я, и меня пожалеешь: будешь за второй-то женой как собачонка бегать» [19, с. 361]. Конечно, нет оснований утверждать, что такие отношения были всеобщими, но также ошибочным было бы считать, что жизнь вдов при втором замужестве была повсюду одинаково серой и беспросветной. Все сказанное выше о вторичных браках касается приведенных Б. Н. Мироновым 4 % вдов, во второй раз вышедших замуж.

Как уже было отмечено, по православным канонам новый брак должен был заключаться не раньше, чем через 40 дней после смерти первого мужа [23, с. 357; 21, с. 232; 1, с. 260; 24, с. 211, 228; 25, с. 364, 418]. Но иногда считалось, что и полгода недостаточно (Ярославская губерния) [19, с. 154, 360]. Нередко все эти сроки нарушались. Описаны случаи, когда в новый брак вступали через 12 дней [23, с. 357; 24, с. 211, 228]. Вдовы, особенно с детьми, имевшие свое хозяйство, стремились как можно раньше привести мужа в свой дом. С широким развитием отхожих промыслов для помощи по хозяйству вдовы нанимали работников-мужчин, которые оставались в доме, и дело зачастую заканчивалось браком [17, с. 245; 19, с. 323; 20, с. 51, 447; 24, с. 187]. Свадебная церемония при повторном браке была уже значительно проще, чем при первом: «У вдовушки обычай не девичий» [5, с. 173]. Отсутствовал процесс длительного сближения между сторонами. После кратковременного наведения справок о положении друг друга, а иногда только одной из сторон, посылали сватов, а затем организовывалась свадьба, большей частью довольно скромная. Не было девичника и других предсвадебных торжеств, свадебный поезд часто состоял лишь из двух подвод, не столь разнообразными были свадебные увеселения, песни пели только тогда, когда ехали из-под венца и во время обеда. На обеде, весьма скромном, который продолжался недолго — час или два, присутствовали лишь близкие родственники, дружка и сваха, меньше подавали водки [17, с. 469—470; 19, с. 360; 20, с. 86, 210, 314, 432; 13, с. 232; 24, с. 211; 25, с. 418; 9, с. 38]. Все это было весьма далеко от яркого праздника крестьянской свадьбы, на который нередко собиралась вся деревня. Надо заметить, что, если вдовец женился на девушке, свадебная церемония могла мало отличаться от той, когда он вступал в брак в первый раз [20, с. 86]. Иногда свадебного поезда вообще не было, в церковь и обратно ехали на лошади, а то и отправлялись пешком [25, с. 418]. При вступлении в брак богатых вдов и вдовцов обрядовая сторона свадьбы могла незначительно отличаться от той, какой она была при первом

браке, но некоторые упрощения имелись и здесь (мало «плачей», отсутствие обрядовой яичницы и др.) [25, с. 364].

Как указывал С. С. Шашков, церковь, преследуя многоженство (весьма, например, распространенное в Сибири еще в XVII в.) во всех его формах, дозволяла иметь не более трех жен. При этом третий брак не считался даже таинством, а священник, который вместо простого чтения молитв над троеженцем проводил полный обряд венчания, лишался сана. Третий брак дозволялся, если ни от первого, ни от второго не было детей, но вступившие в него на пять лет отлучались от церкви. Четвертый брак рассматривался уже как явное преступление [35, с. 120]. В дальнейшем эти представления претерпели эволюцию, во второй и третий брак стало дозволяться вступать лишь вдовам и вдовцам.

Не следует считать, что крестьянское общество относилось совершенно безучастно к положению неимущих. Издавна традиционной составляющей жизни русского крестьянства были «помочи». Чаще всего они происходили в августе, когда малосемейные и зажиточные крестьяне приглашали соседей помочь убрать урожай. За это хозяева выставляли угощение: бочки с пивом, столы с хлебом, калачами, пирогами и др. Помочи сиротам и вдовам проводились безвозмездно: не только помогали убрать урожай, но снабжали всем необходимым для угощения и, кроме того, заготавливали дрова и лучины на зиму [27, с. 201]. Традиция помочей продолжала действовать и в пореформенный период.

В пореформенное время развитие отходничества способствовало увеличению количества вдов. Значительное число отходников работало на вредном производстве (малярами, на металлургических заводах, химических фабриках и др.). Среди таких отходников (при крайне низком уровне охраны труда) была повышенная смертность. По данным Б. Энгель, в двух уездах Костромской губернии с наиболее развитым отходничеством — Солигаличском и Чухломском — в 1897 г. среди женщин до 30 лет вдовы составляли 14,3 %, от 30 до 50 лет — 18,2 %, тогда как в среднем по губернии — 9,8 % [36, р. 52].

Вдовы пользовались некоторой свободой поведения, и эта тенденция значительно усилилась в пореформенный период. Вся жизнь крестьянина проходила под воздействием двух важнейших регуляторов общественного поведения: общины и семьи. В пореформенное время их влияние стало ослабевать. Согласно нормам обычного права, «замужняя женщина, баба — отрезанный ломоть», т. е. над женщиной, вышедшей замуж, семья ее родителей уже не имеет никакой власти [32, с. 178]. Если вдова после смерти мужа продолжала жить в семье свекра, она должна была продолжать повиноваться старшим в семье и на ее поведение накладывались довольно жесткие ограничения. Положение существенно менялось, если вдова жила отдельно, «своим домом», хотя здесь имели место локальные вариации. Вдова с детьми, живущая с вдовцом, подвергалась сильному осуждению, такое незаконное сожитие считалось большим грехом и постыдным поступком (Калужская, Вологодская губернии) [20, с. 318; 23, с. 359]. В то же время такие случаи, если были препятствия для вступления в законный брак, имели некоторое оправдание в глазах крестьянского общества. Например, если одна из сторон уже состояла в трех браках и по церковным правилам не могла вступить в четвертый. Такое сожитие считалось допустимым, в особенности когда вдова или вдовец были еще людьми нестарыми (Нижегородская губерния) [21, с. 152—153].

Следует отметить, что торжественные языческие обряды к XIX в. превратились в предания, сказки, забавы молодежи, сохранялись лишь отголоски языческих представлений [26, с. 528]. А всего через несколько десятилетий под действием модернизационных процессов, как видно из предыдущего примера, христианские каноны о браке были порой уже основательно подорваны, сохранив лишь форму.

Вольности в поведении вдовы, живущей отдельно, имели в глазах крестьянского общества некоторое оправдание вследствие того, что она ушла из родительского дома, поэтому она не могла наложить на него позорного пятна. Она считалась «вольна в себе», являлась хозяйкой своих поступков, никто не был вправе ее контролировать. Неимение мужа, в особенности если вдова была молодой и здоровой женщиной, также являлось оправдательным мотивом при несоблюдении ею полового воздержания. Кроме того, из-за «нескромного» поведения вдовы не было «потерпевших», и очень часто на такого рода нарушения нравственности смотрели сквозь пальцы (Нижегородская губерния) [21, с. 160; 18, с. 500—504].

Вследствие отсутствия власти родителей и мужей в некоторых местностях вдовы составляли главный контингент местных сельских проституток, иные активно предавались разврату вплоть до второго замужества (Вологодская, Владимирская губернии) [21, с. 160; 1, с. 276]. Конечно, главным побудительным мотивом проституции была не нравственная распущенность, а бедность, в этом случае проституция — дочь нищеты. Приведем в этой связи статистические данные по отношению к вдовам. В 1868 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 2288 проституток, среди которых 658 крестьянок и 492 солдатские дочери и жены (большая часть солдат, как известно, также происходила из крестьян). В домах терпимости Москвы, которая в этом смысле стояла в числе первых среди больших европейских городов, было 957 зарегистрированных проституток. Из них крестьянки составляли 257, солдатки и солдатские дочери — 150. Из этого числа вдов-крестьянок было 48, вдов-солдаток — 47, в сумме — 95 [35, с. 333—334], или около 10 %.

В традиционном крестьянском обществе вдовы составляли особую категорию женщин, со своими функциями, связями с социумом, другими категориями женщин. В пореформенное время эта традиция стала расшатываться и постепенно меняться. Развитие отходничества, когда мужчины на целые годы оставляли семью и хозяйство, а порой вообще не возвращались, сближало положение вдов с положением замужних за отходниками женщин. Пореформенное время внесло свои коррективы в рассматриваемые проблемы. Модернизационные процессы основательно ослабили традиционные узы брака и семьи. Не вышедшие замуж вдовы (около 96 %), оставшись одни с детьми, бросив хозяйство, уходили в работницы. Другие побирались или посылали побираться детей. На заработки обычно уходили к зажиточным крестьянам, к духовенству или на ближайшие фабрики — в надежде на лучшую жизнь (Костромская, Тверская, Ярославская, Калужская, Владимирская, Санкт-Петербургская губернии) [17, с. 382, 450, 469; 18, с. 509; 20, с. 561; 1, с. 206; 25, с. 378]. Такие надежды редко оправдывались: на фабрики, в земледельческие хозяйства с наемным трудом в качестве прислуги требовалась молодежь. Большая часть вдов и их детей пополняли ряды обездоленных и бесприютных.

Вдова, которая не вышла замуж или у которой новый муж уходил на заработки, самостоятельно вела хозяйство, платила подати, справляла повинности. При этом она еще исполняла свои материнские обязанности: кормила, растила и ставила на ноги детей. Возросшая экономическая роль стимулировала рождение нового самосознания, самоутверждения женщин. У вдовы, не вышедшей замуж, новые качества усиливались вследствие относительной свободы, когда она не зависела от власти мужа и свекра со свекровью. Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин стали участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды. Вдовы обычно судились из-за наследства с родственниками умерших мужей. Часть вдов уходила на отхожие промыслы, но масштаб этого явления был значительно меньше по сравнению с мужскими промыслами. Они шли кухарками, горничными, прислугой. Хотя масштаб женского отходничества был относительно невелик, его влияние в расшатывании устоев патриархальных порядков было непропорционально большим. В отсутствие мужчин женщины становились ключевыми фигурами, происходило их духовное перерождение, активное утверждение своего нового положения в собственных глазах и в глазах всей общины.

Библиографический список

1. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1993. 472 с.
2. *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. М. ; Тула : Гриф и К°, 2009. 296 с.
3. *Гура А. В., Кабакова Г. И.* Вдовство // Славянские древности. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 293—297.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978. Т. 1. 699 с.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1980. Т. 4. 683 с.
6. *Ефименко П. С.* Народные юридические обычаи Архангельской губернии. М. : ОГИ, 2009. 272 с.
7. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборга, 1903. 529 с.
8. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии // Этнографический сб. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1853. Вып. 1. С. 203—234.
9. *Матвеев П. А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Сб. народных юридических обычаев. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1878. Т. 1. С. 12—46. (Зап. ИРГО по отд-нию этнографии ; т. 8).
10. *Миронов Б. Н.* Социальная история России : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
11. Население Империи по переписи 28 января 1897 года / ЦСК МВД. СПб., 1897. 345 с.
12. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. 2 : Семейное право, наследство и опека. 407 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 6 : Владимирская губерния, тетр. 2. 246 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 29 : Орловская губерния. 275 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 50 : Ярославская губерния. 245 с.

16. *Прокопьева Н.* Вдовство // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб. : Искусство-СПБ, 2005. С. 86—90.
17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. СПб. : Деловая полиграфия, 2004. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. 568 с. Далее: РКЖБН.
18. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 1 : Пошехонский уезд. 608 с.
19. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 2 : Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 552 с.
20. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2005. Т. 3 : Калужская губерния. 648 с.
21. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 4 : Нижегородская губерния. 412 с.
22. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды. 624 с.
23. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 840 с.
24. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 4 : Тотемский уезд. 808 с.
25. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2008. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.
26. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
27. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Университетская тип., 1837. Вып. 1. 250 с.
28. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Университетская тип., 1838. Вып. 3. 216 с.
29. *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву. 2-е изд. М. : URSS, 2011. 264 с.
30. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 447 с.
31. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. М. : Тип. А. В. Васильева, 1903. Ч. 4. 736 с.
32. *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. 2-е изд. М. : URSS, 2011. 200 с.
33. *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб. : Литера, 1996. 496 с.
34. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : КомКнига, 2006. 240 с.
35. *Шашков С. С.* История русской женщины. 3-е изд. М. : URSS, 2011. 368 с.
36. *Engel В. А.* Between the Fields and the City. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 254 p.